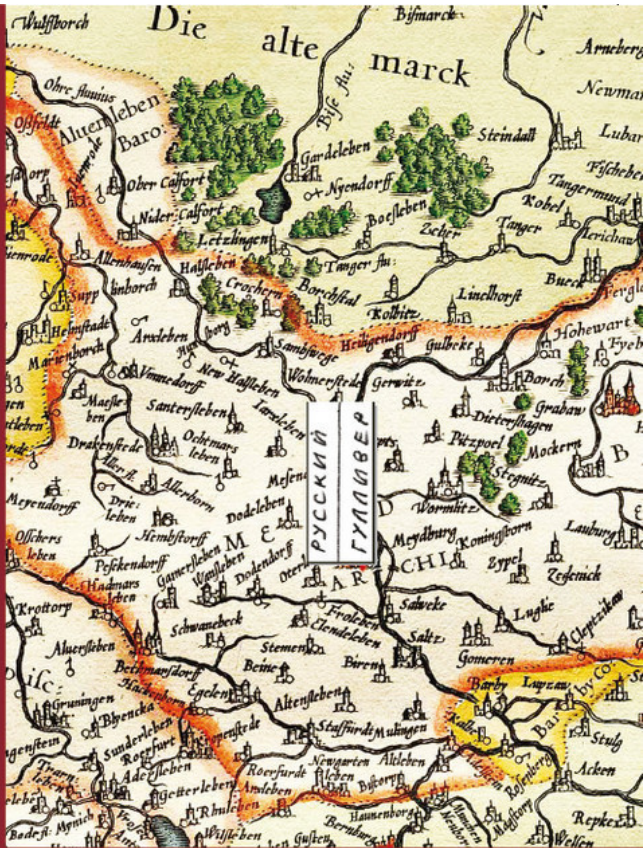

Амтрий Строцев

БуТЫЛКИ СВЕТА

Дмитрий Строцев

Буылки света

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27051485

Буылки света Книга стихотворений:

ISBN 978-5-91627-021-1

Аннотация

Дмитрий Строцев родился в 1963 г. в Минске. Закончил архитектурный факультет Белорусского политехнического института. «Буылки света» – пятая книга поэта. Живет в Беларуси.

Содержание

Гнев о стихах Строцева	5
«Маленький неврастеник...»	18
«Снилось мне: я верю в Бога...»	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Дмитрий Строцев

Бутылки света Книга

стихотворений

Дмитрий Строцев родился в 1963 г. в Минске. Закончил архитектурный факультет Белорусского политехнического института. «Бутылки света» – пятая книга поэта. Живет в Беларуси.

Гнев о стихах Строцева

Пусть это будет речь атеиста о религиозном чувстве. Или о религиозно-поэтическом. И, значит, речь посторонне-го, посторонне-завистливая речь, может быть.

У Тургенева в «Отцах и детях» Аркадий говорит с любимой девушкой о Гейне. «Я люблю Гейне, когда он плачет», – говорит она. «А я – когда он смеется», – отвечает Аркадий. – «Это в Вас следы Вашего нигилистического воспитания» (кажется, так), – говорит девушка.

След моего нигилистического (атеистического) воспитания – в том, что я люблю не когда Строцев смеется или плачет (две стороны одного и того же; «смех сквозь слезы» – парадокс потому, что это вообще специально отмечается, смех и слезы неотделимы, как мясо от костей – кто-то сказал) – все эти его трагические и бурлескные сцены (сцены миру или Богу, которые поэт устраивает), бурлескно-трагические, изрядно отдающие Хлебниковым, а когда его стихи заливают ровный, чуть тусклый дымчатый свет, какой бывает летним полднем, – немного душный, чрезмерный, пряный (свет):

что ты, рай, для меня
сердце-блюдец огня
кислородного утра подушка?

или
любимый мой
время идти домой
спит на цепях, в огнях-хрустальных
стеариновая подружка
и юлит итальянская музыка

я так весел с тобой говорить
по разумному саду ходить
певчих птиц называть-призывать...

комната, где собакой тени и те пахнут
где лохматые травы глохнут в молочных кувшинах
где над холмами хлама и книг потолок распахнут
сладкая пыль зевает...

комната шалью машет, конь из угла выходит
смотрит в огонь вишнёвый...

три ангела шумели
зелёною листвой и кроны голубые
склоняли надо мной

и прядали ушами
в тревожной вышине...

Причем источник этого света – в самих стихах, внутри них; кажется ничего за их пределами не имеет к нему от-

ношения; мир замкнутый: воскресенье, детская, игрушки на полу, полузавешенное оконце, оса жуужжит и тычется в стекло. Стихи этот свет создают на наших глазах: ткнут, или прядут (солнечные лучи напоминают пряжу), или просто излучают. Чудо: слова начинают лучиться, попав сюда. Радость стихов (их самих, оттого, что они есть), несколько не противоречащая драматизму. Драматическая радость, потому что почти театрально творится. Из предметов (рукотворных: статуэтка, женское платье, детская игрушка, предмет мебели или обихода), а точнее – из их названий; из явлений и вещей природы (названий: растения, животные), из человеческих отношений или воспоминаний (детство и дети, любимая, часто – жена).

Стихи, возвращающие мир в райское состояние блаженства (до падения). Или так: стихи, которые в каждом явлении, предмете, вещи видят и чувствуют (и оттуда вызывают) первоначальную, фундаментальную радость. Ту, которая и была задумана изначально как основа мира. То ли детские считалки-скороговорки-песенки, то ли заговоры, то ли чуть невнятная, задремывающая речь растений, с этими переменами и перебивками, но всегда гармоничными; стихи поют себя (изменения мелодии, следование ей).

Тихая, почти незаметная (потому что она во всем, везде в его стихах, не локализована и неотделима от них) религиозность стихов Строщева. Не стихи о Боге или вере или какой-то такой проблематике (несколько религиозной ре-

флексии). А рожденные религиозным взглядом (не нуждающимся в рефлексии и даже ей противоречащей; редкое сейчас качество, а нам есть с чем сравнивать: религиозных стихов сейчас отчего-то – или же понятно отчего – в изобилии) – на мир, у которого есть Творец, и Творец мир не оставляет вниманием, и постоянно говорит с ним (а поэт, как и положено, Ему отвечает), и следит за ним, и всякая Тварь (кроме человека, разумеется) знает об этом и по-своему славословит, поет Божество. На радость отвечает радостью.

Пение радости, «славься», гимнический характер стихов Строцева. Почти животная религиозная радость, ну, или радость растения, поворачивающегося вслед солнцу:

тихой глиной накормлю
потому что сам люблю
солнце-бубенец...

или птицы:

летишь поёшь – и Бог тебе навстречу
и Бог с тобой – и ты один за всех

и с Богом говоришь как с первым встречным
о том что люди – нелюди как прежде
как прежде – и бездомны и бездумны...

Впрочем эта религиозность и ни в чем не нуждается (не

только в рефлексии или в осознании себя – она себя почти не осознает как что-то специальное), но чуть ли и не и в самом предмете веры. Религиозность, настолько заполняющая существо говорящего-поющего-летящего, что предмет ее не отделяется от него (отделение предмета веры было бы равносильно исчезновению поющего) и, значит, не превращается ни в предмет, ни в объект. Состояние, в котором границы между утверждением и отрицанием, славословием и кощунством («мы утверждаемся в сиротстве / как объясняем в любви») стираются и в котором кощунства просто не может быть, что бы верующий ни произносил (и, скорее, дело в том, как им произносится – в самозабвении, в самозаговаривании, с этими бесконечными нагнетающимися повторами):

и Бога нет на этом белом свете
и надо бы сказать ему при встрече
что Бога нет и Духа нет и Сына
которому хотелось бы сказать
которому хотелось бы доверить... —

парадоксальная, редкая ситуация, которую нелегко встретить где-то еще, кроме как у Строщева: Богу говорится, ему жалуется (безличный глагол) о Его отсутствии. Бога нет – вовне, потому что есть «я» и мое «внутри» («мой Бог»).

Бог внутри меня, как и внутри чего угодно другого: дере-

ва, камня, игрушечного коня – в каждом из них, а не в мире как в их континууме («на белом свете»). Не пантеизм и не буддизм, потому что все дело в отдельности, единичности, «личности» предмета и в личности, единственности Бога (и его принадлежности «мне»).

(Мы прекрасно понимаем, что возможно и другое прочтение: «Бога нет на этом белом свете» – с акцентом на «этом» – означает покинутость, оставленность; оттого отсутствующему Богу и «жалуется» (безличный). Однако третья строка, разворачивающая ситуацию отсутствия, ее детализирующая – Бога, Духа, Сына – скорее, подтверждает первый принятый вариант. Впрочем, обе трактовки соединимы, и безо всякого противоречия, по заданной модели, где утверждение в сиротстве и есть объяснение в любви: Бога нет, не «несмотря на то», а «именно потому», что Он есть.)

Впрочем, это «внутри» строцевского летящего-поющего, в свою очередь, нарушает субъектно-объектные отношения. Это «внутри»

не то, что можно рассматривать как особенное, в противоположности, скажем, поверхностному, внешнему (телу), облегающей оболочке. У строцевского героя есть только это летящее (им) внутреннее (немного напоминает о стихах Рильке, где телесное растворяется в движении (осыпается – у Елены Шварц). И, значит, если есть только это внутреннее, а оно и есть Бог, то строцевский герой слива-

ется, совпадает с объектами своей веры: с Богом, и Духом, и Сыном – в зависимости от течения сюжета. Отождествляется. От этого происходят такие необыкновенные превращения «я» в его стихах.

Например, о ком это и кто (говорит)? И кому?

я книгу книгу на столе оставлю для тебя
я книгу книгу для тебя оставлю на сто лет...
ты только книгу не забудь и не забудь меня
и в сердце в сердце сохрани и книгу и меня...
а рядом с книгой на столе стоят часы часы
и рядом с книгой на земле часы идут идут...
что нет меня добра и зла что чернота бела
когда шепнут тебе шепнут что больше нет меня
ты книгу книгу разверни у сердца у огня...

Стихотворение называется «Отец и сын». Естественно предположить, что это обращение к вполне земному сыну, разговор с ним, завещание земного отца, оба – смертные. И тогда, книга, которую оставляет сыну говорящий – книга поэта (герой и автор почти сливаются), речь о наследстве (но это-то, конечно, и в любом случае): мир, который поэт-отец оставляет своему сыну, – мифологический, райский, цветущий, счастливый, с морями, реками и животными («и все и все киты киты и все слоны слоны / в тебя малыш в тебя мой сын безумно влюблены»), созданный, естественно для и ради сына, обращенный к нему и немного от-

сылающий своими параметрами к детским стихам и сказкам, как бы вбирающий их в себя, их обобщающий. Сам отец-поэт, смертный и затем, естественно умерший, остается жить в своей книге, и в сердце сына, и в оставленном после себя мире, как бы разлитый в нем.

Но такое «реалистическое», ограниченное прочтение, как всегда в отношении стихов Строщева, оставляет странную неудовлетворенность, ему сопротивляешься; эта интуитивная неудовлетворенность ведет нас дальше. Строщевские стихи всегда требует большего, чем простые жизненные соотношения. Отец – Бог (Бог-отец), обращающийся к своему сыну, но, по всей видимости, не к Богу-сыну, а к человеку, Адаму. Тема Адама (как и райского, «разумного», то есть совершенно устроенного, сада) для Строщева вообще очень значима. В «Молчании Адама»:

ева
я устал
отец неугомонный
сеет жизнь
направо и налево —

это от лица Адама, недовольного и вяло бунтующего. Стихотворение «Отец и сын» – «к Адаму» (возможно посвящение), но Отец тут тот же и столь же неугомонный, творящий – мир, хорошо устроенный и населенный, созданный специально для человеку, что и явлено ему в открове-

нии, которым становится стихотворение.

Тогда Книга (с большой буквы) – это и сам мир, прочитываемый (мир-книга, что-то вроде детской раскраски), и священная Книга, Завет. Влюбленность животных – это подчинение и послушание их Адаму. И становится понятно появление часов, идущих рядом с книгой: создание времени, и тоже ради Адама. А тогда понятно и отождествление Отца с добром и злом, если Его нет, то нет и добра и зла, их различия (белого и черного), а слова клеветников (нашептывания) об отсутствии Отца есть искусительная мысль о смерти Бога. И Его забвение. А бессмертие Его – не символическое, а вполне реальное бессмертие, а точнее – Его воскресение, через любовь к Нему (объятие, слияние). И среди оставленного Отцом в наследство оказывается, разумеется, и свобода воли: «и ты и ты бежишь бежишь летишь легко легко / и на лету ликуя пьёшь свободы молоко...»

А тогда что это за «мадам» в варьирующемся интонационном рефрене стихотворения:

туда сюда туда сюда
летят ползут летят ползут
шары кубы шары кубы
шары кубы и барабан
пардон мадам пардон мадам
я барабан (вариант: чемодан) вам

не отдам...

зачем мадам вам барабан (вариант:

чемодан)...

(вспоминаются уголовные импровизации Сельвинского: «Вам сегодня не везло, мадамочка смерть, / адыю, до следующего раза») – с игровыми, детски-считалочными, «чуковскими» интонациями (бог смеющийся). Клубящийся, крутящийся, кипящий мир с мелькающими сферами и фигурами (в другом случае – с движущимися, бегущими животными) и рядом с ним «мадамочка смерть», чуждая этому миру, преодолеваемая, обездолеваемая (оставляемая не у дел) .

Что подразумевается под чемоданом или барабаном, которые смеющийся герой, использующий лексику «детской», ей не отдает, можно по-разному называть и трактовать (и при любом назывании, оттого здесь и происходит условная, считалочно-детская лексика, будут профанизироваться эти очень важные, сущностные вещи; лексика из детских стихов, почти эвфемизмы, – возможность не называть, табуирование). В любом случае, речь – о беспомощности, ограниченности, бессилии смерти (о завещанном бессилии смерти). Сквозь интонации детского стихотворения проступает живопись то ли Брейгеля, то ли Босха.

А вот другое «первое лицо» – в прекрасном стихотворении «В подземелье на черном полу...»; с трудом удерживаюсь, чтобы не привести целиком (впрочем, небольшое). Духовный стих, его легко и впрямь представить в устах юного странника-пилигрима (Вагнер, песенка пиллигримов из «Тангейзе-

ра»).

В подземелье на чёрном полу
моя белая мама сидит
и на бедных прохожих людей
без обиды и страха глядит.

Кто копеечку ей подаёт –
не двурушник уже и злодей.
Моя белая мама поёт
для хороших прохожих людей... —

Впрочем, возможен и другой контекст: Рождественское представление, кукольный театр, вертеп, поющие мальчишки. (Вертеп – пещера). Один из мальчиков обходит с блюдом собравшихся.

(Песенный, поющий вариант этого стихотворения существует: Елена Фролова, композитор и певица, замечательно передала интонации этого стихотворения, и с тех пор я иначе как с этой аранжировкой уже не воспринимаю; только читаю это стихотворение – сам собой звучит и голос, и мелодия певицы).

Традиционно-религиозно интерпретировать персонажей стихотворения до крайности легко (опасно-легко): и «светлой» матери, и светлого и нагого ребенка, и «прохожих людей» с дарами. Но тут как раз и возникает вопрос о профанации: не догматического сюжета, а стихотворения. Едва

только назовешь персонажей, соотнесешь напрямую, и сейчас же что-то произойдет с поэзией, от нее что-то отнимется (точно выщерблены). «Белая мама» – «шире» и древнее Богоматери. Да и зачем трактовки поэзии, где ангелы прядут ушами (и почему-то это их несколько не унижает), небо — ладонь, сердце – блюдо, а речка – лодочка и можно «стоять вдоль» (неба, сада), а бытовые скульптурки «на холщовом покрывале» устраивают карусель, приходя в бесконечное движение:

мчались, всадники подковами-руками
до поводьев еле-еле доставали
танцевали эти всхолмленные кони
словно дети их губами рисовали

словно дети их без памяти лепили...

«Словно дети их губами рисовали» – повторяю я восторженно (или повторяется, отдается восторгом во мне). Я назвал свой скетч «Гнев о стихах Строщева», но, возможно, надо было бы назвать «Игра о стихах Строщева» – это был бы другой текст, вероятно, более отвечающий стихам, где происходит постоянная игра с очень важными вещами, и в процессе этой игры вещи, давно знакомые, точно обновляются, освежаются, открываются заново, перенесенные в пространство детской.

Олег Дарк

«Маленький неврастеник...»

Маленький неврастеник
рисует на штукатурке
головокружительную галактику
и думает о Боге,
восседающем на облаке,
проповедующем математику.
Зануда-учитель
задал задачу
безалаберным ученикам,
а трудные школьники,
сукины дети,
пустили тетрадь по рукам:

Где дева-русалка
поёт под гитару
очаровательные куплеты
и прыгает на скакалке,
и мускулистые кентавры
отобрали у милиционеров пистолеты.
И всё пошло кувырком,
как кому хочется,
и обнимается с моряком
непропорциональная уборщица.
И дети целуют друг друга,

и ходит по проволоке
потусторонняя старуха
то ли во сне, то ли в обмороке.
И ломовые лошадки
выступают под куполом,
и на танцплощадке
ездит армия с рупором.

А бывший учитель
на излечении в дурке –
он выходит в окно к ученикам,
И маленький неврастеник
рисует на штукатурке
умопомрачительный океан!

1985

«Снилось мне: я верю в Бога...»

Снилось мне: я верю в Бога.
Прежде верить не хотел,
думал: подожду немного,
много нерешённых дел.

Я неверия не мерил,
знал, конечно: видит Бог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.